

Мария решает: выпить чай или испариться

Мария Секрет

18+

Мария Секрет

**Мария решает: выпить
чай или испариться**

«Автор»

2026

Секрет М.

Мария решает: выпить чай или испариться / М. Секрет —
«Автор», 2026

Эта книга - не история о виноватых. Это история о том, как человек постепенно теряет связь с собственными чувствами и учится сомневаться даже в самом себе. Она начинается с детства — времени, когда любовь может соседствовать со страхом, а забота незаметно превращается в контроль. Когда слова говорят одно, поступки — другое, и ощущение безопасности становится чем-то чужим и недостижимым. Автор рассказывает не только о событиях своей жизни, но и о том, как они меняли внутренний мир: почему становится сложно отличить любовь от зависимости, заботу от контроля, а правду от чужих объяснений. Это книга о маленьких моментах, которые остаются незаметными для окружающих, но навсегда меняют человека изнутри. История о боли, поиске себя и попытке снова научиться доверять собственному голосу. Если вам когда-либо казалось, что внутри слишком тихо или слишком больно - возможно, эта книга написана для вас.

© Секрет М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	19
Гл	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Секрет

Мария решает: выпить чай или испариться

Глава 1

Утро шестого октября началось с того, что открыв занавески на окнах, я сразу же захотела закрыть их обратно. Сначала я подумала, что за окном повесили грязное стекло. Но это был просто октябрь. Стояла понурая, безрадостно-серая погода, что особенно нехорошо, если ты человек с рекуррентной депрессией, которого ощутимо выбивают из строя осень и приближение собственного дня рождения.

Из гостиной доносились шорохи издаваемые мужем и нашей собакой.

Он встал раньше меня и до работы успел погулять с ней, на часах было почти одиннадцать утра. Распределение бытовых обязанностей и роль жены в которую я себя посвятила в июле этого года подразумевали, что мне необходимо встать, чтобы успеть приготовить мужу завтрак до его отъезда. Хотя Марк и заверил, что у меня нет необходимости это делать, я знала, что его слова являлись “предложением-вежливостью”, так я называю некоторые призывы людей, которые они делают не потому что они действительно так думают, а потому что так принято делать.

Раковина на кухне была засорена и завалена грязной посудой уже вторую неделю, поэтому акт готовки превратился в еще одно действие, которого хотелось избегать. Она смотрела на меня, как старый знакомый, от которого невозможно отвертеться. Я открыла шкаф за тарелкой и чуть не уронила на себя стопку посуды. Даже фарфор, кажется, был против моего существования. Нужно сказать честно, что и до этого я не могла бы сказать, что стоять с поварешкой на кухне или чистить лук было одним из моих любимых занятий. Должно быть, мне следовало бы стыдиться этого, ведь моя мама-домохозяйка готовила отлично различные вегетарианские блюда, а бабушка проработала большую часть жизни поваром. Но стыдно мне почему-то не было.

После завтрака, состоявшего из тостов с яйцом, огурцом и авокадо в сметанном соусе, я принялась просматривать последние письма, что пришли мне на почту. Я получила еще несколько отказов с вакансий на руководящие должности и одно новое сообщение от работодателя с гостиницы в часе езды от нас. Меня пригласили на первое собеседование с момента начала моего поиска работы, в этот четверг, что возможно должно было меня обрадовать, но особого воодушевления я не ощутила по нескольким причинам:

В гостинице было много различных вакансий и мне сообщили, что только после интервью, дав мне оценку, они могли бы сделать конкретное предложение.

В последнее время мне было не свойственно ощущать воодушевление от чего либо.

Муж собрался на работу и ушел, поцеловав меня в щеку и пожелав хорошего дня. Порой мне кажется, что он вовсе не знает меня, но с другой стороны тяжело обвинять кого бы то ни было в добрых пожеланиях.

Вечерние смены мужа до 11 вечера казались мне одними из самых сложных дней в неделе, потому что я попросту не знала куда и с какой целью деть свое тело. Что, пожалуй, должно было казаться мне и самой странным, ведь чаще всего его присутствие дома абсолютно не означало его присутствия в моей жизни. Он вечно был занят своими проектами и схемами, как улучшить наш доход, отчего у меня возникало ощущение сродни тому, как родитель просит ребенка пойти и поиграть в саду, пока он занят взрослыми делами.

На этот раз на часах было тринадцать, что заставило меня начать утопать в мысли, что я ума не приложу куда деть столько свободных часов. Наверное, если бы я сказала об этом

своему старшему брату, он посмеялся бы и даже позавидовал тому, что я могу делать все, что душе моей угодно. По видимому в этом и была зарыта собака (не моя, к счастью), что лежа днем на кровати в перерыве от чтения книги “Элли и арфист”, я задумалась о том, почему все занятия, что приходили мне в голову не вызывали во мне ни малейшего желания начать ими заниматься, хотя в их списке были и приятные, такие как прохождения нового квеста в Стиме и чтение художественной литературы.

Жаль, что от того, что ты понимаешь, что сколько не устраивает тебя в этой жизни, ничего не начинает медленно расплываться и таять: автобусная остановка напротив нашего дома, продуктовые магазины с улыбающимися юными продавцами и уродливые букеты в цветочном магазине на краю улицы. Интеграция в новую для меня страну, Нидерланды, проходила неоднозначно.

Меня радовала открытость населения. Как-то я шла по улице, и абсолютно чужой мужчина с велосипедом улыбнулся и сказал 'Hoï'. На секунду стало неловко — будто он меня перепутал с соседкой. Но нет, это была просто их привычка здороваться. Это какая-то совсем незнакомая и не заложенная для моей родной страны схема поведения, которая похоже была развита в голландцах с раннего детства. Хотя мой друг Алекс недавно предостерег меня, что у них другое воспитание, и что нам с детства говорили, что ябедничать нехорошо, а голландцам, что это их святая обязанность. Алекс сказал это с той лёгкой усмешкой, какой у него обычно сопровождаются все советы: будто он предупреждает меня о том, что дождь мокрый. Также он сообщил мне, что грибы западнее Польши люди в лесу не собирают. Он говорит, что здесь такой народ, что им внушают родители, что большинство грибов - ядовитые, поэтому рисковать не стоит. По его мнению, это давало мне преимущество, так как я планирую поехать в лес на выходных, чтобы их собирать. Но почему-то и в этом я не ощущала в себе какого бы то ни было преимущества. Тем более, мой муж не ест грибы ни в каком виде, а я обычно готовлю только то, что ему тоже нравится. И в этот момент я особенно ясно почувствовала, что живу по чужим правилам: и в чужой стране, и на собственной кухне. Исключение из этого составляли оливки и французский сыр бри, которые я иногда позволяла купить исключительно для себя, правда, готовить их не было необходимости.

Сегодня мне стоило немыслимых усилий, чтобы заставить себя сходить в ближайший продуктовый магазин за молоком (для мужа) и за красным, сухим вином на вечер (для меня). Признаться, шла я в него весьма в подавленном состоянии, светофор, чтобы перейти на противоположную улицу первый раз на моей памяти сегодня не работал, что будто только усилило ощущение тщетности стараний и издевок судьбы. Когда я огибала поворот к магазину, на тротуаре я заметила лежавшую и уже покрывшуюся грязью монетку в двадцать центов. Моя первая мысль была забрать ее себе, но меня оставил целый ворох предубеждающих размышлений, а именно:

Летом, когда я нашла в Латвии монету в один рубль на земле (что нужно признаться было большой и большо й редкостью), мой муж на другом конце провода сказал, что забирать себе деньги, что ты нашел на улице является плохой приметой и в целом не к добру. Я так и не забрала монету, но проходя мимо этой дорожки несколько дней после, я старательно пыталась найти ее в выросшей траве, что не увенчалось успехом. Видимо, ее забрал кто-то, кто не так сильно верит во всякие приметы.

Я задумалась о том, зачем, собственно, она бы мне пригодилась. И за доли секунды, проходя мимо нее, я не смогла ответить себе на этот вопрос.

Эта мысль появилась во мне гораздо позднее, когда я возвращалась домой после прогулки с Луной, я подумала, что вероятно кому-то другому, кто нашел бы ее, также как и я, она была бы нужнее. Ведь несмотря на то, что мой муж весь в минусах на кредитной карте из-за того, что принял решение жениться на мне и перевезти меня в Нидерланды, где он уже

проживал четыре года, мы не бедствовали (по крайней мере настолько, что монета в двадцать центов могла бы существенно как-то облегчить ситуацию).

Вернувшись с магазина, мне было еще сложнее заставить себя выйти в дождь с собакой на прогулку, но слова моего мужа о том, что терпеть собакам нельзя и что в детстве у его собаки Греты обнаружили рак матки (как он считал, именно из-за того, что с ней нерегулярно гуляли), заставило меня собраться с силами, которых по правде не было и все же выйти на улицу. Луна рыскала по дорожке, норовила понюхать каждый куст, и в её беспечной радости было что-то почти терапевтическое: она тянула меня в мир, который продолжал существовать независимо от моих внутренних штормов.

И вот — цветы. В ящиках на окнах, у витрин, в мини-клумбах вдоль дороги — как будто кто-то развесил маленькие пятна цвета по серой рамке города. Алые герани, плотные пучки фиолетовых анютиных глазок, желтые пятна, похожие на крошечные солнца. Я остановилась и, пожалуй, впервые за долгое время удивилась самой себе: мне показалось странным и чуть радостным, что я всё ещё способна отметить про себя их красоту. Это ощущение было простым и почти детским — негромкая радость, а тихое знакомство с чем-то приятным. Я присела на скамейку, собака устроилась у ног, и мир на минуту стал понятней: лепестки, капли недавнего дождя, тонкое пятно света на мокром асфальте. Я позволила себе задержаться на этой картинке и в это короткое мгновение тяжесть отступила настолько, чтобы я могла вдохнуть.

Радость, правда, быстро гасла: мысль о поиске вакансий и отказах на желаемые должности, о муже, о забитой раковине вернулась, как прилив. И пусть радость исчезла, как рябь на воде, — я знала: во мне всё ещё есть то, что умеет откликаться. Возможно, будь у меня анти-депрессанты, не будь этой осени, приближающегося дня рождения и ещё бог весть чего, этот момент мог бы стать якорем. Тем самым, за который цепляешься, чтобы не уйти ко дну. Но моё судно якорей не имело.

Глава 2

Когда мне стало так тяжело справляться с собственной жизнью? Когда всё это началось? Возможно, тогда, когда мои родители привезли меня в первый класс на первое сентября. Все остальные дети были с родителями, а меня оставили одну. Родители сказали, что не знали, что их присутствие обязательно. Зато потом подарили мне мыльницу, в голубой жидкости которой плавали фигурки пингвинов. Это был один из моментов, который крепко засел в моей памяти. В тот день дети с родителями лепили из пластилина на картоне свои семьи. Чтобы я не осталась совсем одна, учительница прикрепила меня к одному отцу и его сыну. Думаю, тогда я этого не понимала, но отец того мальчика был так добр и обходителен. Видимо, ему было нескончаемо жаль меня. То, что я тогда ощутила, было смесью тревоги, одиночества и непонимания, что и как я должна делать.

Эти чувства часто сопровождали меня и позже. Например, на выпускном в 9 классе. Всех учеников вызывали на сцену, и их родственники подходили, дарили букеты цветов. Часто несколько сразу. Но когда я вышла, рядом никого не оказалось. Родители приехали только под конец церемонии. Папа спешил по своим делам и буквально кинул в меня пятьдесят евро на парикмахера. Я собиралась сделать причёску для выпускного в отеле неподалеку от школы. И тогда я подумала: именно эти моменты — когда ты физически окружена людьми, но остаешься одна — оставляют след, который тянется через годы. Тревога тогда сжала меня в маленький комочек, который я несла с собой долго, почти незаметно, пока он не стал частью моей жизни. Можно ли было винить их в том, что этот вечно сомневающийся и неуверенный в себе настолько человек — был мной? И да, и нет. Отец появился на свет, хотя бабушка не хотела его рождения и всеми доступными в деревне способами пыталась прервать беременность. К её разочарованию и, возможно, к счастью моего отца, это не удалось. Но, как он сам говорил, из-за этого по жизни мучился от страшной аллергии. Со слов отца, его сестра, старше его на шестнадцать лет, избивала его с тех пор, как он еще лежал в кроватке. Когда-то в разговоре с моей матерью он признался: единственное, что помогло ему выжить — это желание вырастить и однажды убить её.

И когда я услышала эту историю, я начинала понимать: мои сомнения и моя тревога — это не только про меня. Они будто рождены ещё до моего появления. Я могла бы предположить, что мой отец тоже не чувствовал для себя места в этой жизни. Возможно, я бы выразилась более уверенно, если бы наши отношения с ним не были бы такими пустыми и ломкими, как солома. Можно ли винить человека за то, что в силу своих травм, он является тем, кто он есть? Я так не думаю. Но долгие годы и возможно, даже сейчас, когда со дня на день мне исполнится двадцать шесть лет, я все еще оставляю за собой право винить его в том, что он решил завести детей, когда все в нем так и резонировало с этой идеей.

В детстве, когда мы хотим завести животное, нам внушают: это не игрушка. За ним нужен уход и внимание. Недостаточно просто налить воды и насыпать корма — ему нужно твое участие. Я знаю, что у моего отца, когда он только познакомился с моей мамой, был кот. К сожалению, я ничего не знаю о его судьбе. Может быть, я ошибаюсь? Может, некоторым котам и правда хватает миски с едой, воды и крыши над головой?

Я думаю об отце и его коте, пока мою посуду в ванной, потому что раковины на кухне все еще нельзя пользоваться. Вода стекает в раковину, руки скользят в мыльной пене, и вдруг меня пронзает мысль: может, и я сама всю жизнь — как тот кот? Достаточно ли мне только крыши и еды, или всё же я хочу чего-то большего?

Скрип ключа во входной двери возвращает меня в мою реальность. Марк пришел домой и мне нужно быть готовой к тому, что он будет недоволен тем, что я не прогулялась с собакой еще раз до его возвращения с работы и не удосужилась вымыть всю посуду, приготовив ему

ужин, ведь он так устал после своей дневной смены. Вероятно, мне должно быть печально, что всех слов мира, на доступных мне языках - русском, английском и даже латышском мне не хватило бы, чтобы объяснить ему, что я не просто лентяйка и бездарь. Но почему-то это не вызывает во мне ровным счетом никаких чувств.

Муж сам готовит себе ужин и часто вздыхает. Все его жесты выглядят резко и обрубленно, как он выкидывает мусор в пакет, как открывает полку морозильника - резко, громко, она не закрывается и он обливает ее глухим матом.

Он говорит о том, что я забыла купить консервы собаке, но у меня не было никакого желания оправдываться, поэтому я слушала, как закипает вода в кастрюле. В этом звуке было больше смысла, чем во всех наших разговорах за последние месяцы. Сев за свой компьютер и включив сериал, он ел молча, а я смотрела, как пар поднимается от макарон, будто из него выходила последняя теплота нашего дома. Повезло, что по жизни мне обычно жарко даже тогда, когда окружающим холодно и они кутаются в пледы.

Глава 3

И вот, этот день подкрался, как хеллоуинский маньяк в черной мантии и маской на месте лица из “Очень страшного кино”. Это был мой день рождения, двадцать шестой по счету. Я заранее знала из прошлого опыта, что это будет непросто. Моя мама - София считала, что это связано с тем, что душа человека к его дню рождения становится более уязвимой к нападкам астральных сущностей. Мне эта теория казалась неоднозначной. Скорее дело было в том, что жизнь заставляет тебя подвести итоги, чего ты достиг и чего добился за прожитые годы. И часто, это осознание не приносит особой гордости.

Я проснулась, муж уже успел выгулять собаку и тепло поприветствовал меня, выбирающуюся из постели. Позже я прочитала несколько поздравлений от знакомых и ответила на звонок маме с папой, которые заверили, что я лучшая дочь на свете. То, что это сказала мама меня не удивило, потому что ей хотелось сделать мне приятно в этот день, но было необычно, что папа на заднем фоне подтвердил ее слова, так как ему никогда не была свойственна сентиментальность. Наверное, по этой причине он пожелал мне мудрости и оставаться в Нидерландах, так как у него еще пару лет назад было предчувствие, что мне нужно переселиться в Швецию, Норвегию или туда, где я сейчас и проживаю. Он сказал, что Марк не кажется ему хуже моего бывшего, который за два года “убил” машину, что папа дал нам в пользование безвозмездно. Я поблагодарила их и мы повесили трубки.

Муж решил показать, что он мне заказал на Тети в подарок. Это был набор из розовых резинок, двух заколок, ободков для макияжа и маленьких тканевых треугольничков для нанесения консилера или тонального крема. Еще набор светящихся резинок, лампа, которая крепится на стену и светит вверх и вниз разными цветами и светящуюся небольшую вазу. Его можно было понять, Марк обожал все, что светится.

Так же он показал подсветку для унитаза с ультрафиолетом и освежитель для воздуха в ванную в виде свечи.

По плану было не завтракать дома, поэтому я быстро оделась, накрасила салатовые и ярко зеленые тени, нанесла блеск для губ и мы вышли из дома. Мой сенсор для считывания глюкозы прошлой ночью перестал работать (у меня диабет первый типа) и поэтому пришлось сначала заехать к пакомату за новым. Мы немножко заплутали в одном индустриальном, закрытом городке неподалеку от нас, оставили машину на парковке и пошли пешком за сенсором. День был средней степени тяжести угрюмым, иногда из-за облаков виднелось осеннее солнце, освещающее листву под моими ногами. Я шла по дорожке и громко шуршала ботинками по листьям. Думаю, что мне надо признаться, что это то, что мне нравится в осени - просто незатейливо шуршать листьями. Марк сказал, что ему это тоже по душе, поэтому мы делали это какое-то время молча, пока не дошли до пакомата. Я решила не доходя до машины сразу снять куртку и поставить новый датчик.

Затем мы вернулись в машину и решили поехать в один ресторан неподалеку, что мне очень понравилась своей атмосферой, большими порциями и веганским бургером с обжаренной картошкой. Особенно мне понравилось, что летом на террасе там были столики, а напротив них было огороженное поле с лошадьми. Ресторан работал, но на улице было ни души, не считая мужчины с листодувом неподалеку. Пока Марк курил, мы размышляли стоило ли нам сесть снаружи, так как на улице было градусов плюс тринадцать, а у мужа были уже ледяные руки (он мне всегда напоминал какое-то экзотическое животное, которое было привезено из тропических джунглей на север Европы). Мне стало его жаль и я предложила сесть внутри, хотя тогда мой план обеда с просмотром лошадей накрывался медным тазом. Мы зашли внутрь, чтобы решить окончательно, где нам лучше устроиться, я начала говорить, что: “Тут, конечно”,

но муж перебил и закончил фразу за меня, что “Тут, конечно, лучше, давай останемся внутри”. Я не стала спорить.

В виде исключения и желания добавить нотки праздника в этот день, я заказала себе шампанское, а Марк каппучино. Потом я перевела ему несколько позиций из меню, чтобы он смог выбрать, что ему по вкусу. В итоге, я заказала полюбившийся мне веган-бургер и так как Марк не ел креветки, шампиньоны, говядину и бекон, ему пришлось сделать тоже самое.

Мне принесли белый бокал для шампанского и маленькую бутылочку австрийского просекко. Вкус у него был удручающий и я почти сразу пожалела, что не взяла свое любимое пиво IPA. Мы страшно объелись, я все же не стала пить свой напиток и заказала пиво, после чего было решено отправиться в продуктовый магазин. В магазине мы купили недостающие продукты домой, а именно: помидоры, огурец, руккола, вегетарианские котлеты и консервы для Луны. Зная, что сегодня Марк должен уйти на ночную смену в восемь вечера, я купила для себя два кусочка клубничного торта и сухое шампанское.

Я хотела прогуляться где-то на природе, но муж обычно ложился спать днем до своего отъезда на работу, поэтому мы поспешили домой. Он лёг спать почти сразу, а я осталась одна на кухне, глядя, как пузырьки в бутылке шампанского поднимаются вверх. День рождения шёл по плану - в точности, как я и ожидала. Когда Марк проснулся, у нас оставалось сорок минут до его отъезда, поэтому он предложил пройтись с Луной вместе. Пока мы гуляли, ему позвонила его мама, она хотела меня поздравить и он передал мне трубку. Я ее всегда называла просто по имени - Анна, хотя муж и говорил, что ей было бы приятно услышать от меня обращение “Мама” в ее сторону. Но при всем уважении и тому, что по факту сделать мне это было несложно, казалось странным называть так женщину с которой я не состою в близких отношениях. Тем более, что я обращалась к ней на Вы и из-за этого, если бы я говорила ей “Мама”, то это было бы сродне еврейским анекдотам про “Мамо, Вы шо”. Анна поздравила меня, расспросила про мои впечатления о переезде и сказала, что сказала, что всё это время ждала моего звонка после свадьбы, и теперь у нее наконец появился повод самой набрать. Откровенно говоря, эта информация меня удивила, так как видимо я никогда не была ничьей невесткой и для меня не было очевидным, что я вообще должна ей звонить, если этого не требует какой-то праздник. Договорив и отдав трубку Марку, мы подошли к дому, я пошла мыть собаку, а Марк, попрощавшись уехал на работу. Тишина опустилась на квартиру, как снег. Я сидела на кухне, глядя на наполненный бокал и пузырьки в нем, которые все еще поднимались вверх. Наверное, они просто не знали, что праздник уже закончился.

Глава 4

Когда мой брат Ник бывал пьяным и мы с ним говорили по телефону, он иногда пытался удостовериться в том, что связь работает нормально, в шутку начинал медленный отсчет от одного до десяти: “Раз. Два. Три. Четыре. Пять”. После этого, я должна была подтвердить, что его хорошо слышно и все в порядке. Сегодня днем я это вспомнила, общаясь с Марком. Видимо, мне тоже хотелось удостовериться в том, что хотя бы иногда до него доходит то, что я ему говорю. Хотя все чаще в последнее время мне казалось, что дело тут не в связи.

Мы говорили о самых обычных вещах — кто купит молоко, не забыла ли я оплатить счета, почему снова не помыта посуда. Но в какой-то момент в его голосе появилась та интонация, после которой я всегда чувствую, что разговор выходит за пределы бытового. Он сказал, что ему тяжело со мной разговаривать, потому что я “Всё время будто где-то не здесь”. Что я отвечаю отстраненно, будто мысли где-то в стороне. Я слушала его и думала: если бы он знал, как часто я сама ощущаю себя так — словно иду по улице и одновременно наблюдаю за ней со стороны. Я вижу движения, слышу голоса, замечаю мелочи, но будто не могу полностью коснуться момента.

“Ты опять молчишь”, — сказал он.

“Я просто думаю”, — ответила я, хотя на самом деле думала о том, как это странно — пытаться доказать человеку, что ты всё ещё на линии, когда разговор уже давно прервался.

Он вздохнул и замолчал. Я смотрела на него и чувствовала, как слова зависли между нами. В комнате было тихо, только лёгкое дыхание Луны напоминало, что день продолжается. Я кивнула и больше ничего не сказала. Мы просто сидели рядом, слушая молчание, каждый погруженный в свой компьютер.

Пятница уже не за горами, а вместе с ней — собеседование на должность супервайзера смены в Starbucks. Я ещё раз пробежала в голове все детали: время, место, возможные вопросы, всё, что можно было подготовить заранее. В глубине души я понимала, что нервничаю больше, чем хотела бы признать.

Дни до пятницы тянулись странно — я пыталась отвлекаться делами по дому, прогулками с Луной, но мысли о предстоящем собеседовании постоянно возвращались. Я попробовала разные варианты одежды, придумывала ответы на возможные вопросы, даже проговаривала их вслух. Каждый раз ощущение тревоги слегка усиливалось, будто я готовилась к экзамену, который решает гораздо больше, чем просто получение работы.

И вот наступила пятница. Утро было пасмурным, прохладным. Я оделась, посмотрела на себя в зеркало, сделала глубокий вдох и вышла с Марком из дома. Мы достаточно быстро добрались до аэропорта, где находилась кофейня - 17 минут на машине, хотя каждый раз думая об этом, я мысленно вносила поправку, что на общественном мне ехать минут сорок пять. Муж проводил меня до входа и отправился курить на улицу, ожидая меня. Кафе выглядело симпатично, в бежевых и зеленых тонах. Я подошла к барной стойке (можно ли ее так называть, если там готовили только кофе и безалкогольные напитки?) и сразу увидела Катерину, менеджера Starbucks. Это была девушка лет 32-35, с длинными русыми волосами, собранными в хвост и свитшоте в бело-зеленую полоску. Ее вид подтолкнул меня к соображениям, что строгого дресс-кода здесь не было. Она поприветствовала меня и попросила подождать за столиком, пока коллега не заменит ее на кассе. Так же, она любезно предложила мне кофе, я попросила латте и буквально через минуты 3, она протянула мне кружку с четко нарисованным молоком сердечком сверху. Тут нужно отметить, что ее скорость меня одновременно впечатлила и озадачила, ведь если меня взяли бы на работу, то мне пришлось бы овладеть тем же умением и скорее всего, за то же время.

Пока Катерина обслуживала клиентов, я внимательно изучала обстановку: кассовый аппарат, слева от него витрина с десертами. Время на часах было 11:06 и все эти минут 10, что я ее ждала, в очереди было от 3 до 9 людей. Сразу в голове всплыл образ конвейера в который меня могли бы впрячь. И более того, мне еще нужно было зарекомендовать себя и заслужить быть погруженной в этот процесс. Это вызывало во мне неоднозначные чувства.

Я увидела Катерину, направляющуюся к моему столику и попыталась придать своему лицу самый, что ни на есть, деловой и респектабельный вид (благо, мои круги под глазами были стойко замаскированы слоями консилера). Подойдя ко мне, она стоя протянула мне руку для рукопожатия. Признаться, мне потребовалось пару секунд, чтобы сообразить, что она от меня хочет. Затем, она рассказала немного о себе: что она из Казахстана, но с семнадцати лет там уже не живет; что в Нидерландах она чуть более 2 лет и все эти годы работает тут, начав с бариста и последнее время, как непосредственно менеджер. Она попросила тоже рассказать обо мне, что я и сделала, потому что так полагается вести себя на собеседованиях. После чего, мы обговорили количество часов в неделю, зарплату, мою доступность к работе по выходным и праздникам. На все я отвечала утвердительно, не забывая мило улыбаться. Впрочем, Катерина показалась мне приветливой и легкой в общении. Она пояснила, что несмотря на то, на какую должность претендует человек, все так или иначе начинают с тренинга и работы бариста. Эта информация меня не вдохновила, но с другой стороны, это показалось мне логичным, ведь даже, как менеджер смены, ты все так же обслуживал гостей и готовил напитки.

Она сказала, что ей предстоит несколько собеседований с другими кандидатами и к концу следующей недели, она даст мне ответ. В конце она даже предложила мне еще кофе или одну из цветных печенек, но я учтиво отказалась, потому что я посчитала это правильным. Этот, возможно, незначительный нюанс добавил мне толику облегчения и надежду на то, что все может получиться.

Так как мне это свойственно, я хотела сразу убрать свою кружку со столика, но озадачилась, куда ее было бы логично поставить и быстро не сгенерировав ответ на этот вопрос, я просто оставила ее стоять там, где она и была.

Когда я вышла из аэропорта и нашла мужа, он сказал, что через витрину ему показалось, что мы очень мило пообщались. Я и не подозревала у него наличие таких телепатических способностей. Разве через окно с улицы возможно определить, как прошло собеседование? В смысле, конечно, она не бросила в меня рожком для кофемашины или стулом, но по мне, такие данные все еще не обеспечивают тебе удачу при трудоустройстве на работу.

Ответ от Катерины должен был прийти к следующему четвергу. Пока мы ехали домой, Марк щебетал о том, как ему будет здорово забирать меня с работы, получив взамен вкусный кофейный напиток. Наверное, так происходит со всеми, кто напрямую не сталкивался с работой бариста и не знает, что плюшка с бесплатным кофе начинает надоедать уже в первую неделю.

На самом деле, мне тоже показалось, что мы хорошо поговорили, но теперь во мне поселилось двойственное ощущение, ведь я заранее знала, что утренние смены с 5:30 были бы каторгой. И я все еще настойчиво старалась не думать о том, что добираться в аэропорт мне нужно было бы на двух автобусах. Мое воспаленное сознание так и рисовало картину, как я сажусь в автобус напротив нашего дома, и по ошибке уезжаю куда-то на самый север Лапландии. Катерина сказала, что первый месяц будет испытательный срок в течении которого я могу уйти в любой момент, но и она может меня “уйти” так же. Я старалась не думать о том, что всё это может закончиться ничем, но мысль, как кофеин, всё равно просачивалась в кровь.

Марк предложил пройтись с Луной до магазина, он бы с ней погулял, пока я покупаю продукты домой. Такого ажиотажа в Albert Heijn я не ожидала. Везде были люди с корзинами и тележками, ухоженные бабули и одинокие мужчины с озадаченным выражением лица, будто они старательно пытаются отличить цукини от огурцов. А поверьте, я знаю о чем говорю, ведь

на прошлый новый год я попросила мужа купить свежий огурец и шампиньоны. Он купил пачку с мини-цукини и маринованные патиссоны в банке. Наверное именно поэтому мне было страшно представить себе, как Марк накрыл бы на стол без моего участия. Когда-то я читала про такое понятие в психологии, как “выученная беспомощность” и с того самого момента я задаюсь вопросом усваивается ли оно у мальчиков с грудным молоком или же просто встроено в их ДНК. Что об этом сказал бы Фрейд?

Я ненавижу брать тележку, когда иду в магазин, потому что с ней чувствую себя слоном в посудной лавке и поэтому, я просто как сумасшедшая таскаюсь с неподъемной корзиной. Запихав все в большой голубой пакет и просканировав код на чеке, я вышла из магазина. Я подхожу к мужу и он любезно берет у меня пакет. Он кивает головой в сторону прилавка с цветами и предлагает купить мне домой комнатное растение. Я беру его карту и маленький серый горшок с ярко-оранжевой паприкой, после захожу внутрь, пока муж ждет на скамейке с Луной и пакетом. В магазине продавец спрашивает меня будет ли это подарком, нужно ли его красиво упаковать, я смеюсь и отвечаю, что это подарок для меня. Женщина снимает ценник с растения и говорит, что тогда мне это наверное не нужно, мы обе улыбаемся. Расплачиваюсь и выхожу к Марку. После того, как я рассказала про диалог с продавцом, муж спрашивает, почему я не сказала о том, что это подарок от него. В этот момент радость от приобретения паприки немного омрачается и мне приходится пуститься в объяснения о том, что это было бы странно, женщина плохо говорила по английски, да и в очереди за нами было еще два человека. Похоже, этот ответ его устраивает и мы возвращаемся домой.

Я смотрю на паприку и думаю, что она идеальный подарок - настоящая, красивая, но абсолютно бесполезная. В каком-то смысле мы с ней могли бы подружиться.

Глава 5

В понедельник мне позвонили из отеля, куда я отправила резюме еще на прошлой неделе. Голос в трубке был женский, вежливый, но с большим акцентом и слишком бодрый для десяти утра. Меня пригласили на собеседование на позицию "официант-бармен". Судя по описанию, работа предполагала не только подавать напитки, но и быть кем-то вроде универсальной затычки: помогать на завтраках, убирать столы, полировать бокалы, возможно - вытирать чужие улыбки с тарелок.

Я записала адрес, поблагодарила и повесила трубку. Потом ещё минут пять сидела, глядя в стену, размышляя о том, как ловко жизнь умеет подсовывать одно и то же под разными названиями.

Марк, как обычно, отреагировал с энтузиазмом: сказал, что это прекрасная возможность, ведь "всё лучше, чем сидеть дома и переживать". Я не стала спорить, хотя в глубине души понимала, что иногда сидеть дома и переживать - тоже работа. Просто неоплачиваемая.

К обеду я уже стояла у входа в отель - тот самый, с витринами, за которыми отражались серые тучи. У дверей пахло дезинфицирующим средством и каким-то неопределенным ожиданием. Меня встретила женщина лет 60 с идеально уложенными волосами, на бейджике было написано «Francine». Она улыбнулась чуть шире, чем требовалось, и предложила пройти за ней.

В комнате для собеседований пахло кофе и усталостью. Она усадила меня напротив нее и представилась менеджером по персоналу. Франсин говорила быстро, а я ловила только смысл: что работа динамичная, что "у нас дружный коллектив", что "вы должны быть гибкой". В какой-то момент я поймала себя на мысли, что она произнесла слово "гибкость" раз шесть, и мне стало не по себе. Я кивнула, будто всё это звучит совершенно естественно. Хотя где-то внутри меня тихо скрипнуло.

Пока она говорила о "динамичной рабочей атмосфере" и "ценности каждого члена команды", я смотрела на ее руки с кольцом на указательном пальце, аккуратно сложенные на столе, и думала, что именно эти руки никогда не будут вытирать столы после завтрака.

Так же, я удивилась тому, что Франсин несколько раз спросила меня, какая у меня работа мечты. Мне было совершенно неясно как следует отвечать на этот вопрос, ведь вдаваться в лирику про мое неоконченное образование клинического психолога казалось мне откровенно глупым в данных обстоятельствах. По лицу Франсин было видно, что этот вопрос для нее важен и поэтому, отшутиться не получилось бы. Я ответила, что в идеале хотела бы работать менеджером. "Как описал бы Вас прошлый начальник и Ваш коллега?" - спросила она. Как по мне, ответила я какую-то несуразную чушь. Сложно сказать, удостоился ли мой ответ симпатии Франсин. И пожалуй, еще тяжелее определить, нужно ли было мне самой это.

В конце она улыбнулась и сказала, что им нужен «человек, который не боится трудностей и быстро адаптируется». Я тоже улыбнулась и ответила, что "именно так про меня и говорят". Франсин, похоже, восприняла это как искреннее согласие, хотя я скорее чувствовала, что адаптируюсь не к жизни, а к бесконечным её компромиссам.

Когда мы попрощались крепким рукопожатием, я вышла на улицу и вдохнула прохладный воздух. Воздух пах не свежестью, а выдохом — будто город тоже устал притворяться, что всё идёт по плану.

Я достала телефон и пробежала глазами сообщения: на экране — напоминание о звонке от Катерины. Ответ должен был прийти к концу недели. И в этот момент я поняла, что стою перед двумя путями одновременно: один — стабильный и знакомый, пусть и немного однообразный, другой — полный неожиданностей, но с ощущением, что тебя действительно могут «проверить на прочность».

Марк, как обычно, заметил мое задумчивое лицо. — Всё в порядке? — спросил он, когда мы шли к машине. — Да, — ответила я, — просто думаю о том, куда я больше всего хочу попасть. Он улыбнулся, похлопал меня по плечу и добавил: — Иногда лучше просто начать действовать, а потом уже разбираться, что из этого выйдет.

И вот я ехала домой, между мыслями о «универсальной затычке» и возможной роли супервайзера в Starbucks, и чувствовала, как лёгкая тревога смешивается с предвкушением. Казалось, что сама жизнь расставила передо мной несколько дверей, и теперь от меня зависело, какую из них открыть первой.

Правда была в том, что я ощущала будто выбираю из двух зол меньшее. Работа бариста в Starbucks тоже не казалась лёгкой. Конечно, атмосфера была привычнее, предсказуемее, но это не делало её проще. Я знала, что даже если получу должность супервайзера смены, мне всё равно придётся стоять на кассе, готовить напитки, следить за порядком, общаться с клиентами. Просто к этим обязанностям добавились бы административные задачи: составление графиков, контроль за коллегами, решение мелких конфликтов. Это означало, что рабочий день станет еще длиннее, а нагрузка — заметно выше. Учитывая, что работая тридцать два часа в неделю моя зарплата на руки составляла бы около тысячи шестьсот евро в статусе бариста, то я не ожидала, что она увеличится более, чем на двести евро. Марку я обещала отдавать тысяча евро с каждой своей зарплатой, остальное оставалось бы на мои расходы. Иногда мне просто хотелось себя порадовать чем-то приятным, чем-то типо адвент календаря в декабре, но почему-то даже в этом, я больше думала про покупку антиквариата для родителей, так как они были истинные ценители или подарков младшему брату Леону, который в свои двадцать четыре жил с ними.

Мне пришлось признать себе, что повышение статуса не принесёт лёгкости, а лишь другие виды ответственности. Быть супервайзером означало быть одновременно частью процесса и наблюдателем за ним, человеком, которому нужно разруливать чужие ошибки и мотивировать команду, при этом не забывая выполнять собственные обязанности. И мысль об этом слегка прижимала к земле. Или не слегка?

В то же время идея работы «универсальной затычкой» в отеле пугала меня своей хаотичностью. Там не было чётких границ между обязанностями, не было привычной структуры. Всё, что от меня требовалось, могло меняться каждую минуту: иногда я подавала кофе, иногда убирала столы, иногда помогала на завтраке или перехватывала задачи коллег. И это ощущалось как полное погружение в чужую систему, где мой контроль был ограничен и где любая ошибка могла ударить по коллективу.

Я пыталась рассмотреть плюсы каждого варианта: Starbucks — стабильность, понятные обязанности, шанс расти внутри компании, знакомая среда. Отель — разнообразие, возможность попробовать себя во всех ролях, шанс научиться быть гибкой и быстрой. И в каждом варианте было что-то своё, что пугало и притягивало одновременно. Ладно, хорошо, про отель больше пугало.

Я закрыла глаза на мгновение, почувствовала давящее напряжение в плечах и поняла: никакого лёгкого выбора нет. Придется принять решение, идти на риск и смотреть, к чему приведёт каждый путь. А пока оставалось лишь дышать, пытаться приручить свои мысли и готовиться к новому рабочему дню — с надеждой на чудо и готовностью к катастрофе.

Франсин сказала, что ответ будет через неделю, ближе к ее концу. У нее, как и у Катерины было еще несколько собеседований. Мне казалось трагикомичным, что отказавшись от первой в жизни работы психологом в детском саду для детей с особенностями развития, из-за переезда, я сейчас жду возьмут ли меня на "сери-бери-подхвати". "Весело и грустно, плачу и смеюсь я" - как в одной из песен популярной российской группы и "Просчиталась, но где?!" - все чаще звучало в моей голове.

Глава 6

Вжух! И я очутилась там, где я обитаю сейчас, в арендованной квартире в Риге. Прошло два месяца и к сожалению, мне действительно пришлось их прожить и это было очень сложно. Для понимания общей картины, на новый год я резала себя тупыми маникюрными ножницами, закрывшись в ванной, а чат GPT уговаривал меня позвонить на линию суицидников. Удивительно, что кто-то в подобном отчаянии решается на диалог с незнакомым ему человеком. Сатирично, что когда-то я хотела стать тем, кто будет выслушивать и помогать тем, кому это необходимо.

Когда я рассказала об этом мужу, он посмеялся, как от анекдота. Во мне было столько боли, что было бы тяжело выразить ее словами. Будто ты тонешь и вода все больше и больше попадает в твои легкие, а ты ничего не можешь сделать. Этот человек, за которого я решила выйти замуж, просто бил лежачего. Тогда мне стало понятно, никаких отношений нет и не может быть.

Я приняла окончательное решение вернуться в Латвию к родителям в ноябре. Просто пришла к осознанию, что решение верное и тупо заставила себя это сделать, несмотря на все абсолютно. Наверное, это называется сила воли.

Я знала, что у меня и мужа нет денег, поэтому вариант был только один - вернуться к родителям в деревню. Это ощущалось так будто мне предложили пожить в аду и уже налили кипятка в котел. Важно понимать, что мои родители были очень специфическими людьми. Вообще, роль родителя им обоим очень не шла, лучше бы вместо этого они посвятили себя какой-то работе. Потому что, итог их родительства - рекуррентная депрессия у меня и депрессия с тревожностью у младшего брата. Прикольно, мне не нравится.

На самом деле, удивляться тут нечему, учитывая то, что в день росписи с моим отцом мама плакала от того, что понимала, что он плохой человек. Пожалуй, подобное выше уровня моего понимания. То есть как можно выйти замуж за человека настолько холодного, не умеющего любить и умеющего в частности только критиковать других? Если бы мой отец не кормил зимой птиц, я бы с полной уверенностью заявила, что у него нет сердца. Как говорила обычно мама: “Порою мне кажется, что он не любит вообще никого”. Наверное, единственное его хорошее качество это то, что он умел зарабатывать деньги. На момент, когда мама встретила отца, он был миллионером. Мы жили в доме, который был бывшим санаторием. Там было три этажа с мансардой и явно ни двести, и ни четыреста метров площади с невероятного масштаба территорией. Я помню, как в детстве мы играли с братом и я выполняла много ролей одновременно, я была и полицейским, и врачом, и владельцем гостиницы. Как будто уже тогда моя планка ожиданий к себе была так завышена. Чтобы тебя любили, ты должен это заслужить. Заевший механизм от которого невозможно отделаться, потому что это ощущение, что ты ничего не стоишь въелось тебе под кожу. А рядом всегда были люди, которые лучше тебя во всех сферах и далеко не всегда ты мог под них мимикрировать.

Потому, когда тебя хвалят, для тебя это каждый раз удивление. Меня можно любить, правда...? Разве во мне есть что-то хорошее? Что-то, что заслуживает внимания?

Очень часто я слышала от отца фразу про то, что дети не удались. И никогда о том, что он меня любит. Если бы было можно посмотреть на мое детство, как на фильм, то жанр был бы драма, просто потому что жанра “дерьмо” нет.

Недавно мама сказала мне, что моя проблема в том, что я слишком сильная. Что мне надо быть слабее и показывать это. Конечно, она не знает, что не быть сильной в моем случае не представлялось возможным. Это не было выбором.

Так хочется иногда просто вырвать все это из себя, но порой кажется, что без этого ничего не останется.

Глава 7

Календарь на итальянском языке с разноцветными картинками птиц говорил мне о том, что сегодня уже третье февраля. На самом-то деле, ничего вразумительного он бы сказать мне не смог, даже если бы действительно умел общаться, потому что все мои познания итальянского заканчивались на “Bella, ciao!”.

Видимо, из-за чувства, что слишком много было пережито за последние полгода, у меня возникало ощущение, что прошло года два, а то и три.

Я совсем недавно переехала от родителей из их частного дома, в полтора часа езды на поезде от цивилизации. Признаться, уговорить отца одолжить мне порядка две тысячи евро, чтобы снять однушку было за гранью добра и зла. У мамы была идея фикс или как модно говорить сейчас “гиперфиксация” на том, чтобы в отремонтированный двухэтажный дом в Иманте переехала бы я и младший брат Дан. А они с папой сделали бы себе там по две спальни, и когда бы возникло желание и необходимость, приезжали бы на пару дней с ночевкой. Эво они как, все умно придумали! Забота о Дане, который в свои двадцать четыре был схож с комнатным растением за которым нужно все время ухаживать, легла бы на мои плечи и освободило бы мамины. Ловко, хитро! Конечно же, никто открыто об этом не говорил, но порой не обязательно, чтобы люди сообщали что-то открыто, это и так легко читалось.

Когда мне было тринадцать и я “ушла” от семейного несчастья в социум, где набивала больно и много себе шишек, Дан “ушел” в компьютер. Родителям казалось, что это такой этап, ведь какой подросток не хочет поиграть на компьютере? Но вот, ему исполнилось восемнадцать, двадцать, двадцать два и наконец двадцать четыре, а этап не собирался заканчиваться.

В своей жизни Дан работал один день на заводе и две недели курьером доставки. Обычно, когда родители заводили разговор об этом, он отвечал одной и той же фразой: “У меня сейчас нет ресурсов для работы”. На этом диалог обрывался и он закрывался в своей комнате. У него был невероятно продвинутый уровень владения английским, водительское удостоверение и он отлично разбирался в компьютерах, но с его слов, ничего из этого его не интересовало по настоящему.

Когда меня забрали на машине из Польши оба брата, я их попросила отвезти меня до родителей и чтобы скоротать время в дороге мы общались на разные темы. Дан что-то обсуждал с Лео, и повернувшись на мое заднее сидение, Дан сказал: “А Мария наверное и не знает, что такое курбан байрам”.

После, Лео предлагал Дану рассмотреть разные варианты занятий, просто попробовать что-то, чтобы стать независимым от родителей и были деньги хоть на тот же дорогой, японский виски (Дан был одержим культурой Японии). Тогда, ему видимо показалось, что мы со старшим братом на него нападаем и он ответил, покрутив пальцем у виска: “Дааа, корячиться за копейки на заводе, как Мария, нет уж, спасибо!”. “Заводом” Дан называл любую работу, которая только существует в мире. Он не стал объяснять свою позицию и замолк.

Какое-то время мы ехали молча, каждый погруженный в свои мысли. Я держала Луну на руках и смотрела на мелькающие картинки за окном. Если бы кто-то спросил меня, как я себя чувствую, я не нашла бы правильного ответа. Я ощущала, что мои плечи напряжены, будто я несла на них коромысло. В душе я чувствовала, как во мне разрастается черная дыра, которая была готова поглотить все, что к ней приблизиться и окажется рядом.

Глава 8

“Двадцать первое. Ночь. Понедельник.

Очертанья столицы во мгле.

Сочинил же какой-то бездельник,

Что бывает любовь на земле”.

Ахматова, кажется, была права. Доказать существование любви не проще, чем существование бога. Если ты чувствуешь её - этого достаточно.

Неважно, как ты к ней относишься и хочешь ли вообще это чувствовать. Она просто живёт внутри, не интересуясь твоим мнением.

“... Я об этом узнала случайно и с тех пор все как-будто больна”.

Лежа в постели, я вспоминаю свою жизнь с момента моего переезда в Нидерланды. “Дивный, новый мир” - с таким ощущением я приехала. И с настроением “Пусть все горит” уезжала. Каждый раз попытка уехать в более прогрессивную страну заканчивается одинаково. Я сжигаю за собой мосты и возвращаюсь к руинам, вынужденная начинать заново.

При последнем разговоре, муж шутил, что мне еще рано к нему переезжать, условия жизни мне бы не подошли. Я не знаю как, но я промолчала. У меня было негласное правило, что ухожу я один раз и больше не возвращаюсь, потому что, если я приняла такое решение, это значит, что я перепробовала все доступные мне подходы и ни один из них не сработал. Больше в моем арсенале ничего нет.

Когда я уезжала, Марк довез меня до Польши, где меня должны были забрать братья. Они зашли в магазин, купили себе вещи, и мы перекладывали сумки из машины Марка в их. Когда всё было готово, Марк попрощался со мной. Я его обняла. Я знала, что больше объятий у нас быть не может — ни сейчас, ни позже. Мысль о том, что я выбрала единственный верный вариант, смешивалась с горечью моего положения. Правильные решения редко даются легко.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.